

Традиции национальных культур

Р.П. Кучуганова

Нравственные нормы и ценности староверов и поздних переселенцев Уймонской долины*

*В каждом источнике своя вода.
В каждой голове своя мысль.
В каждом уставе своя речь,
В каждом племени свои нравы.*

На прекрасной нашей планете есть уголки, которые завораживают человека первозданной, нетронутой, дикой природой. Там текут кристально чистые реки, из-под земли бьют целебные ключи, синеют горы, а ночное небо кажется опрокинутым колпаком, на котором совсем близко, рукой дотронуться, сияют яркие звезды. Есть на земле такое место – Горный Алтай, знаменитая Белуха и, конечно, Уймонская долина¹. Здесь горы словно раздвинулись, и посреди этого великолепия величаво несет свои воды Катунь. Берега ее щедро поросли и ельником и пихтачем, здесь же нашли место и березки и красный тальник. А на полянах – еланиях – краснеют ягодки земляники, воздух напоен запахом богородской травы², полыньки и ила.

* Автор выражает благодарность жителям Уймонской долины за помощь в сборе материала.

Комментарии и примечания *Е.М. Сморгуновой*.

¹ Уймонская долина включает современные географические названия: Верхний Уймон или Верх-Уймон и Усть-Уймон.

² *Богородская трава*, богородка, или богородица – чабрец ползучий, тимьян.

Панорама села Верх-Уймон. 1957

В конце XIX века известный исследователь В.В. Сапожников в работе «Катунь и ее истоки» писал о среднем течении Катунь: «...Уймонская степь лежит на высоте 1000 метров над уровнем моря и по Катунь представляет последнее и самое высокое населенное место, где успешно занимаются хлебопашеством»³.

Что означает слово «Уймон» или «Оймон»? Единого мнения на этот счет до сих пор нет. Одни переводят название долины как «шея коровы», другие предлагают еще более прозаический перевод: «коровья кишка». Но алтайские сказители и мудрецы переводят слово «Оймон» как «десять моих мудростей», – и в этом названии слышатся отзвуки неведомых знаний, за которыми ходили на Беловодье⁴.

У алтайского сказителя Таныспая Шинжина есть такие строки:

*Долина Оймона
Просторно легла.
Долина Оймона
Тиха и светла.
Здесь что ни гора –
То легенда, то быль.
Здесь что ни ущелье –
Начало судьбы.
Здесь что ни тропа,
То начало пути –
Пути, по которому
К счастью идти.*

Издrevле в Уймонской долине жили алтайские племена⁵. Рус-

³ Сапожников В. Катунь и ее истоки / Путешествия 1897–1899 годов. Томск, 1891.

⁴ Беловодье – легендарная страна, где по представлениям староверов сохранилось древнее благочестие. Предполагали, что Беловодье находится на Востоке, в Опонском государстве – в Японии. Многие старообрядцы пытались найти эту страну, ходили в путешествия и даже оставили записки об этом. Автор статьи произвольно использует разные культурные источники, соединяя старообрядческие предания о легендарном Беловодье, сформировавшиеся в последние века нашего времени, с древними алтайскими сказаниями о Долине Оймона.

⁵ Алтайскими племенами принято называть народы, живущие на Алтае; по происхождению и языкам они относятся к различным группам и даже к разным языковым семьям – тюркской и монгольской. Современное население Забайкалья – это буряты, живущие в обширном регионе вокруг озера Байкал. В древности они делились на различные племена.

ские же предки нынешних старожилов Уймонской долины пришли сюда, спасаясь от гонений за старую веру. После раскола Православной церкви хранители старых обрядов ушли сначала на реку Керженец Нижегородской губернии, но там не нашли себе спасения. Бегство от реформ патриарха Никона приводило старообрядцев на Север, в Полесье, на Дон, в Сибирь...

Дикая природа была так богата и так щедрой к новым людям, что они долго считали перешедшее к ним от кыпчаков и тадошей⁶ слово «Уймон» однокоренным со словом «уйма» – в том смысле, что всего в благодатной долине для них было вдоволь, в достатке⁷. Ушли они сюда от «щепоти»⁸ (трехперстия), называли долину «последний угол». Староверы прятались от властей в горах, и их называли «вольными каменщиками»⁹. Часто их называют кержаками¹⁰ (по имени реки Керженец), но сами чаще называют себя «стариковскими» или «добрыми». А тех, кто не входит в их общину, называют «мирскими».

Преследование староверов властями продолжалось вплоть до 1792 года¹¹. Но случился в этих местах недород, засуха выжгла поля. И обратились «стариковские» к Екатерине II, чтобы она перевела их в разряд «ясашных» (местное население, алтайцы, платили ясак). Екатерина сделала это с радостью. Это была ненасильственная колонизация, уймонские парни-староверы несли государственную службу, защищали границы от цинской династии¹², которая, несмотря на то, что Горный Алтай еще в 1756 году был присоединен к Российской империи, совершала набеги и превращала местное население в «двоеданцев»¹³. Несли свою службу уймонцы хорошо, и их не брали ни в рекруты, ни в солдатчину вплоть до Первой мировой войны.

Географическая, этническая и религиозная замкнутость позволила жителям этой долины сохранить богатую, самобытную духовную культуру. В наследство эти люди оставили нам свои пословицы, поговорки, игры, предания, заговоры, песни, сказки. В самой жизни старообрядчест-

⁶ Кыпчаки – народ, говорящий на кыпчакском языке, языке половцев или куманов, который относится к тюркским языкам. Тадоши – одно из местных названий бурятских племен. Бурятский язык относится к другой группе языков – монгольской.

⁷ Типичный пример народной этимологии – так хочется понимать, так удобно объяснить. В русских говорах слово происходит от глагола «уймать, унимать» и означает, напротив, убавлять, уменьшать.

⁸ Одно из коренных отличий старой веры в области обряда – форма перстосложения во время молитвы. «Щепотью» или трехперстно стали креститься после Никоновских реформ, и «щепотниками» староверы называли никониан.

⁹ «Вся горная территория, лежащая тотчас за Бийской линией, у русского населения исстари имела общее название «Камень»» (Г. Гребенщиков «Алтайская Русь»).

¹⁰ «Кержаками» называются старообрядцы разных согласий. Название происходит от реки Керженец, левого притока Волги в Нижегородской губернии. В окрестностях и теперь проживает значительное число старообрядцев. Название «кержак» исторически очень значимое, и приведенное дальше выражение «из старинной кержачьей семьи» означает «из старообрядцев». Кержаками называют в основном старообрядцев часовенного согласия.

¹¹ Как сказано автором, преследования староверов властями продолжались вплоть до 1792 года, однако они не прекратились с этого времени. Видимо, автор статьи хотела сказать о екатерининских Манифестах, облегчивших частично материальное положение староверов. Императрица Екатерина II, вступив на русский престол, издала Манифест от 3 марта 1764 г., которым освободила старообрядцев от двойного налога. Еще раньше Манифестом от 4 декабря 1762 г. было разрешено вернуться тем, кто «бежал за рубеж от преследования за религиозные убеждения», и селиться в Сибири и других «порожных и отдаленных местах».

¹² «От цинской династии» – явное историческое смещение, поскольку «Цинской» называется императорская династия в Китае в III веке до н.э., она пала и больше не возродилась.

¹³ «Двоеданцы» – платящие двойную дань; преимущественно уральское и восточносибирское название старообрядцев, обложенных двойным окладом, или налогом, по указу Петра I. Хотя Екатерина II в 1764 г. освободила старообрядцев от двойного налогообложения, название бытует до сих пор.

Семья Б.С. Атаманова. Фото сделано Рерихами во время алтайского маршрута Центрально-Азиатской экспедиции. Верхний Уймон, август 1926 г.

ва заложены основы народной педагогики, которые могут служить примером для нынешних поколений. Размышляя о новых педагогических подходах, не следует ли нам обратиться «за умом» к хорошо забытому старому – к народной мудрости, к духовным традициям наших предков, к опыту тех, кто и по сей день следует вековому укладу русской жизни. Важно и необходимо увидеть чистоту и мудрость, которую несут в себе эти люди, узнать и сохранить дедовские заветы, научить наших детей быть внимательными, добрыми друг к другу, к старшим, ко всему живому. А то ведь может получиться так: оглянешься – а просить уже некого.

гласит народная мудрость. Есть чему поучиться и что перенять нам у стариков. Уймонцы вплоть до колхозов, а колхозы появились в 30-х годах XX века, жили общинами¹⁵. В деревне было не просто общинное пользование землей, но и нормы общинной жизни регламентировали отношения между людьми. Как было принято в древности, самые важные дела решались всеми членами общины, решающее слово принадлежало наставнику¹⁶, который руководил всей общинной жизнью. Духовным и административным центром являлся молебный дом. Молебный дом был у дедки Ивана Бочкарева, позже перешел к его сыну Науму Ивановичу.

Усадьба В.С. Атаманова в Верхнем Уймоне. Здесь жили Рефики во время алтайского маршрута Центрально-Азиатской экспедиции. Август 1926 г.

Давайте вслушаемся вместе, постараемся вникнуть и отнестись с доверием и вниманием к дедовским обычаям и правилам стародавнего семейного уклада и общежития, смысл которых можно свести к главному и совсем нехитрому завету: «Живите так, чтобы добрые люди не косились на вас да не насмехались»¹⁴.

Что город, то товар,
Что деревня, то поверье,
Что изба – обычай, –

Если родители не могли справиться с воспитанием сына или дочери, что бывало крайне редко, то говорили: «Пойду к дедке Ивану помощи просить». И если с молодым человеком разговаривал дедка Иван, то было ясно, что он дошел до края. За пьянки и драки тоже наказывал наставник. Напился, подрался – отмаливай сорок лестовок. Сорок лестовок умножить на сорок бабушек, получится 1600 земных поклонов. (Лестовка – это холщовый ремешок, сплошь усажен холщовыми валиками – «бабочками», служащи-

ми для счета молитв и поклонов)¹⁷. Во второй раз грешить неохота, да и Бога побаивались, а вдруг он «камышком ударит». Детям староверов внушалось: «Люди не увидят, не узнают, а Боженька-то все увидит, и за все отвечать придется».

Вплоть до 60-х годов XX века воровства в деревне не было. Сети сушили на берегу, лодки там же бросали открытыми, избы никогда не запирались, подставят к двери палочку или табуретку – значит хозяина нет дома.

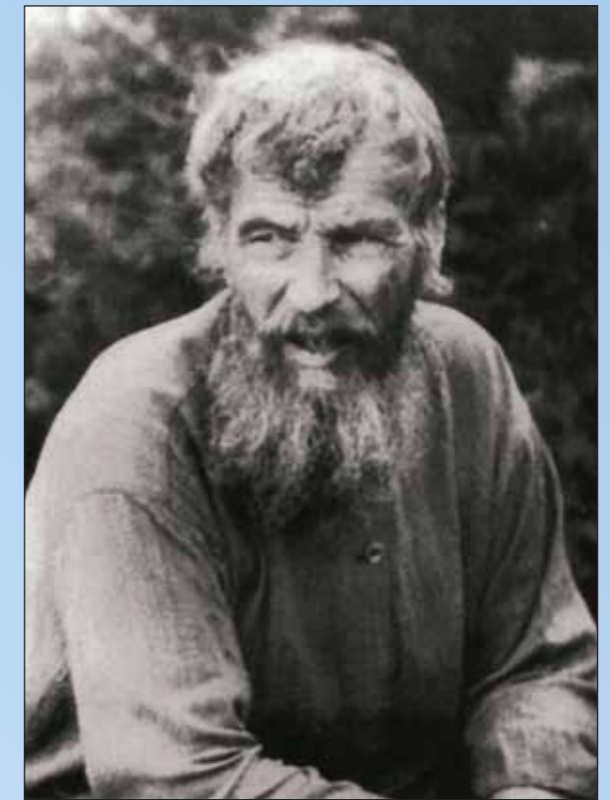
Большим грехом у староверов и алтайцев было взять чужую вещь. Исследователь В. Вербицкий так писал об алтайцах: «Если забудешь какую-то вещь или деньги в юрте у алтайцев, они будут гоняться за тобой сотни километров, чтобы отдать тебе забытую вещь». Староверы знали – «возьмешь чужую лычку, – потеряешь свой ремень, возьмешь чужую иголку – потеряешь свою корову». Говорили: «Краденый поросенок в ушах визжит». А если кто-то что-то потерял, то философски произнесут: «Нашел – не радуйся, потерял – не горюй. Блиско не клади, да вора в грех не вводи».

А вот если человек заворовался – собирались старики и решали, что с ним делать. Самое легкое наказание – в субботу разложат на лавке в приказной избе да выпорют. А если не помогает, давали в руки краденое и водили по деревне. Водили и кричали: «Купи товар, купи товар».

А еще давали «отпорну». Вся община собиралась вместе, и все решали, что делать с ворышкой. Могли дать «отпорну». Один за одним вставали общинники и произносили: «Я от него отпираюсь». А куда он пойдет? Или староверы, или алтайцы кругом. Старообрядчество имело крепкие семейные устои, поддерживаемые и укрепляемые всей сутью общинной жизни крестьянина.

Старообрядческая книга с лестовкой

Сератион Семенович Атаманов

В семье, где иногда насчитывалось по 18–20 человек, тоже все строилось по принципу старшинства. Во главе большой семьи стоял мужчина – большак. Ему помогала хозяйка – большуха. Но очень часто главенство мужчины в семье было формальным. Бывало и так, что женщины в семье верховодили. Если женщина разумна, то был порядок и в семье и в хозяйстве, а если нет, то говорили: «Когда жена верховодит, то муж по соседям ходит», «Добрая-то жена дом соберет, а худая рукавом растрясет».

Авторитет главы семейства держался не на страхе, а на совести членов семьи. Для поддержания такого авторитета нужно было уважение, а не страх. Такое уважение заслуживалось только личным примером, трудолюбием или добротой.

Авторитет главы семьи был непререкаем. «Как Бог для людей, так отец до детей». Но все-таки дом держался на женщине: «Мир в семье женой держится». От нее в доме шли теплота, уют, добро, она питала всю семью: «Баня вечником метется, дом хозяйшкой ведется».

Поэтому в доме особым почтением и любовью окружали мать.

¹⁷ Лестовка – старообрядческие четки из кожи или ткани. По «Словарю говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», «бобок», «бобочек» (здесь – «бабушка», «бабочка»), – звено на старообрядческих четках в виде шарика, бусины или узелка.

¹⁴ Гребеников Г. Алтайская Русь. http://orel.rsl.ru/nettext/Russian/grebenshikov/altai_rus/01.htm

¹⁵ Забайкальские старообрядцы, или семейские, как их называют, принадлежат преимущественно часовенному согласию, но среди них есть и общины, приемлющие белокриницкую иерархию. Они – потомки старообрядцев, переселившихся на территорию Забайкалья в XVIII веке. Замечательным источником современности и историческим памятником жизни и движения забайкальских старообрядцев-семейских стал составленный и вышедший несколько лет назад великолепный «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья». Под редакцией Т.Б. Юсуповой. Новосибирск, 1999. 540 стр., 8000 словарных статей, илл. Приложение: Этнографические зарисовки и фотоиллюстрации.

¹⁶ Жизнью всей старообрядческой общины руководит наставник, который является духовно-нравственным руководителем. В таком же значении употребляются слова «установщик» или «начетник».

«Мы при маме даже громко не говорили, – вспоминают староверы, – а кто неловко скажет, она весь день проплачет, а мы все не знаем, куда себя девать, и все просим у нее прощения».

В старину говаривали:

«На хлеб да на детей недолго насердишься»,

«Материнская молитва со дна моря достанет»,

«Жена для совета, теща для приветов, да нет милей родной мамоньки»,

«Без мамоньки родной и цветы не цветут цветно».

Обидеть мать был незамолимый грех: «За отца отмолишься, а за мать поплатишься».

Не было в те годы ни брошенных детей, ни брошенных стариков, да и про дома престарелых не слыхивали. В семьях, где зачастую жило по три поколения и больше, все держалось на огромном трудолюбии, отсутствии эгоизма, уважении к старшим. Старик в нормальной семье чувствовал себя не обузой, не страдал от скуки. Всегда у него имелось дело, он нужен был каждому по отдельности и всем вместе.

О стариках говорили: «Старый ворон мимо не каркнет», «Молодость крепка плечами, а старость головой».

Вздыхнут старики и скажут: «Не бойся смерти, а бойся старости». С еще большим уважением относились в семье к родителям мужа. Отца мужа невестка звала тятенькой, а мать – мамонькой.

Коньшина Матрена Лукенишна

Фатей Петрович Попов

Писатель Г. Гребенчиков в книге «Алтайская Русь» так писал об отношениях в больших старообрядческих семьях: «Прежде чем пойти по воду, невестка подходила или к свекрови или к бабушке и спрашивала: “Маменька, благослови по воду сходить”. “Иди, доча, благославляю”. А если без благословенья, то та строго спросит: “А ты далеко это ходила?” “По воду”. “Иди да вылей”. Если кто-то перечил родителям, того считали глуповатым»¹⁸. На вопрос, почему такое почтительное отношение к родителям мужа, стариковские ответы: «Да ты что, мила моя, муж-то будет больше любить. Ведь ему и тебя и ее жалко будет. Вот и будет метаться между вами, как между двумя огнями».

Про мать, у которой выросла сварливая дочь, говорили: «Видно, мать свою лаяла – вот и возвратилось».

Проблема старости очень актуальна в наши дни. Дома престарелых переполнены, и стариков бросают даже небедные дети. И остаются они без их участия и заботы. Часто бывает так, что нужна детям и внукам от стариков только пенсия, да прибрать к рукам то, что у них еще осталось. По этому поводу говорят: «Греха не бояться». И размышляют: «Почему мы так со старыми, ведь мы-то еще хуже будем. Почему когда состарится че-

¹⁸ Гребенчиков Г. Алтайская Русь. http://orel.rsl.ru/nettext/Russian/grebenshikov/altai_rus/01.htm

ловек, его не в доме держат, а в избушке рядом? Ведь ни одна мать не выпихнет своего дитя в избушку. Если бы у детей болело сердце за родителей, как у матерей, конца света не было бы. Выходит так: материнское сердце в детях, а детское – в камне». И тут же произнесут: «Хороша-то мать как журавушка, а плохая – как кукушка, улетит и не воротится».

Если мы видим, что старый человек делает все не так, как раньше: и воду разлил, и капусту пересолоил, то стоит про себя подумать: «Что же тут сделаешь. Придет старость, придет и слабость». Или: «Стар да мал – дважды глуп». Все это необходимо говорить нашим детям и самим показывать пример бережного отношения к старости. «Добрый пример – лучше ста слов».

У старожилов Уймонской долины лень была не в почете. Закон крестьянской семьи – грех в будний день садиться за стол, не доработавшись до пота. Смотрят на празднично болтающегося человека и говорят с укором: «Не научишься ты, лентяй, жить». О ленивом говорили: «На работушку у него волосок не стяхнись, а с работушки головушка не оторвись», «Сойдутся сонливый да ленивая – богато ли им жить?»

Наставляли: «Держись за соху – она кормилица».

Бывало, спрашивали друг у друга: щепки, мол, жечь будете? Щепали лучинку, жгли ее на шестке (место возле русской печи), и при ее свете молодежь собиралась на посиделки. И попой, и попляшут, и веселую историю расскажут, присмотрят жениха либо невесту. Руки тоже не были в праздности: девушки пряли, шили, вышивали; парни мастерили домашнюю утварь, упряжь для лошадей. И все это на глазах у детей, прочно на всю жизнь усваивалось ими.

Условия жизни диктовали людям необходимость постоянного труда, заботы о хозяйстве. «Хозяйство умелую руку любит», «Дом без хозяина – сиротинка», «Сначала заведи хлевинку, а потом – животинку», «Работающего работа ищет, а лентяя – постель», «Кто ленив, тот и сонлив», «Где работают, там и густо, а у ленивого дома пусто», «Кто спит весной, тот плачет зимой», «У ленивого Емели семь воскресений на неделе», – приговаривали у стариковских.

Подражание старшим считалось хорошим тоном, и девочки возле матери, старших сестер и невесток, а мальчики возле отцов и братьев приобретали знания и умения, так необходимые в жизни.

Особенно много работы было весной, летом и осенью, и вряд ли увидишь празднично болтающегося по деревне молодого человека. Да и зимой хватало работы, надо было и напрячься, и наткать на всю семью. Да и уход за большим хозяйством требовал немалого труда.

Верность данному слову, трепетное отношение к правде отличали староверов. Недаром на-

Мария Васильевна, внучка Вахромея Атаманова, со своими внучками

Ульяна Михайловна Аргокова

род сохранил столько пословиц и поговорок о правде: «Не давши слово держись, а давши крепись», «Ложь правды не переверет», «Клевета что уголь – не обожжет, так замазает».

Правдивый человек всегда надежен, ему скажут с уважением: «Ты на правде стоишь, трудно тебе – да терпись, стой, не вертись».

Крайне неприличным считалось не поздороваться даже с малознакомым человеком. А поздоровавшись, надо было остановиться, даже если тебе совсем некогда, и непременно побеседовать. Матрена Серапионовна Артабалева-Атаманова, из старинной кержацкой семьи Атамановых (Атамановы одни из первых пришли в Уймонскую долину), рассказывает: «Был грех и у меня, молода была, но замужем уже, шла мимо тяти и просто сказала: “Здорово живешь, тятя”, – и не поговорила с ним. Так он меня пристыдил: “Ты что же это, мила моя, спросить бы хоть надо было, как ты, тятя, живешь?”»

Старались ладить друг с другом, уважать и почитать старших, помогать младшим. Нельзя было ссориться по пустякам. Старики учили: «Не разжигай. Туши пока не разгорелось». Рассказывают в Уймоне притчу про деда с солью: «Давно это было, в большом доме, где все невестки делали работу попеременно. Одну неделю одна молодуха (невестка) за скотиной ходит, другая варит, третья стирает, потом меняются – и так по всем неделям. Пришла в этот дом молоденька невестка, а старшие молодухи ее невзлюбили. Как выпадет ей всю неделю варить, они по шепотке соли в варево бросят и потом все ворчат на молодуху. Расстраивается она: как же так, ведь и не солила совсем. И вот сели они как-то раз за стол, а те опять ворчат на молодуху, пересолено. Девка на слезах уже, не знает что делать. Тогда старый-старый дедка кряхтел-кряхтел на печи да не выдержал, слез оттуда, подошел к шестку да всю солонку в чугу-

нок высыпал и говорит: “Все посолили, а я ишшо нет!” И все обиды кончились».

За столом пожилой человек сидел на самом почетном месте, на улице с ним здоровались с особым почтением. Старшим никто не перечил. «Промолчишься, как в саду отсидишься». Достаточно было кому-то из деревни сказать: «Марья, у тебя Ванятка с народом не здоровается», – мать не будет защищать дитя, а строго спросит у него, почему он неуважителен с людьми. Родители дорожили мнением деревни: «Хощь узнать про детей, так спроси у людей». «Мать с отцом не на-

ставят, так люди выучат». Любовь в сердце у людей жила: к матери, отцу, народу своему. Старики и сейчас наказывают внучаткам: «Да, раньше трудно жили. Все сами, все своими руками добывали. Родителей шибко жалели, на руках готовы были носить. Запомните: родители – это самое главное, что есть у вас в жизни».

Спеть похабную частушку, произнести скверное слово – это значит опозорить себя и свою семью, так как община будет осуждать тебя и твоих родных. Про этого человека презрительно говорили: «С этими же устами да за стол сядет».

Екатерина Савельевна Аргокова, истая староверка, была подростком, и услышала же она от старших подруг такую частушку (частушку староверы узнали в начале XX века, когда пошел поток поздних переселенцев):

*Я пойду по лебеду
Поймаю лебеденочка.
У какой-нибудь разини
Отобью миленочка.*

Так ее тятенька Савелий так наказал, как никогда до этого не наказывал. Он понимал, что такая частушка нехороша, а дальше больше пойдет. А ведь ему за дочку отвечать и перед Богом и перед людьми.

К сожалению, грязные слова произносят сейчас не только мальчишки, но и девочки, а ведь они будущие матери. Ученые доказывают сейчас то, что староверы знали с незапамятных времен: не безобидно произносить такие слова, негативно они влияют на психику, нравственность, физическое здоровье человека и людей его окружающих.

Дом-связь. Сейчас здесь располагается школьный этнографический музей с. Верх-Уймон

Сварливость, неуживчивость вызывали жалость к человеку, который прежде всего сам страдал от этой болезни. Лучше уступить, забыть, ответить на зло добром или промолчать.

«Не то мудрено, что переговорено, а то, что не выговорено».

«Лишнее слово досаду приносит».

«В доме совет, в пригоне и на поле свет».

Обидел тебя человек, а ты подойди к нему и скажи: «Прости меня ради Христа», и отойди от него и не глаголь про него. Щипят тебя, да не убивают же. Не отвечай на щипки, не расстраивай себя, время покажет, кто есть кто. Протерпи, проскорби. Туши, пока не разгорелось. Никому не говори об обиде – и себя не успокоишь, и другого разожгешь. Тяжело на сердце, скажи слова: «Как царь Давид был кроток да мудр, так дай мне, Господи, кротости да терпения».

Не принято было и сор из избы выносить. «Узнал сосед, узнал весь свет». Решали все дела под одной крышей, а если между мужем и женой – под одной шубой. Муж-то с женой если и бранятся, то под одной шубой ложатся. С малолетства знали – береги своего мужа, чужому-то будешь ноги мыть и эту воду пить. «Чужа шуба не одежда, чужой муж не надежа».

Никто не говорил, что насильно выдали замуж или насильно женили, но просматривали до седьмого колена, чтобы не было по родне. Сводил молодоженов наставник. Разводиться было нельзя.

Наставник скажет: «Я Богом не играю, не я вас свел, а Господь Бог».

Парень и девушка знали правила:

«Выглядывай жену не из двери, а с колыбели»,

«Свадьба скорая, что вода полая»,

«Женился на скорую руку да на долгую муку»,

«Женись, чтоб не каяться, любить да не маяться»,

«За хорошей головой жена молодеет, а за плохой как земля чернеет»,

«Железо уваришь, а злой жены не уговоришь»,

«Лучше хлеб есть с водой, чем жить со злой женой».

Нельзя от законного мужа таиться – черно, бело, все с мужем оговаривать надо. Беречь надо своего родного мужа. К мужику надо примениться и иметь ласкоту и уважение к нему. Как ты его дома поставишь, так и в семье, и в деревне с ним будут считаться. Муж тоже должен беречь и жалеть жену. Если в семье мир и покой, то и дети к отцу-матери прилегать будут, не отодвинутся. В доброй семье и о хорошем, и о плохом поговоришь.

Грязь считалась стыдом для хозяйки. Было строгое разделение на поганое и чистое. В субботу девки вставали еще затемно, и все кругом тщательно мыли и шоркали песком и голиками. Стол скоблили ножом. Считалось греховным сесть завтракать за грязный стол, в грязной избе.

Часть экспозиции школьного этнографического музея с. Верх-Уймон

А на Крещение и на Пасху женщины мыли весь дом. По 50 ведер воды заносили. К вечеру хозяйка похаживала, приноживалась и говорила, что, мол, бабы, хватит, деревом уже пахнет. Перестирывали каждую тряпочку, шоркали до желтизны каждую досточку.

«Не та жена любит, которая ласкает, а та, у которой все сверкает».

Если у хозяйки все кругом чисто, уютно прибрано, скажут, что, мол, у нее все как в ящичке, а если нет, выговорят: «У нее все костром»¹⁹. На праздники было принято надевать самое лучшее, а на Пасху еще и новое. Если не нарядишься, – значит Бога не любишь, не чтишь. Скажут: «Да что уж ты так, в чем к обедне, в том и по жерди».

В быту староверов было очень много мудрого, проверенного временем, опыт передавался из поколения в поколение. В Уймоне со стародавних времен матери наказывали дочерям и невесткам: «Странного прими, голодного накорми, в печали разговоры. Человек тебя не обопьет, не обьест, тебе Бог больше даст.

– А если нечем?

– Хлеба дай.

– А хлеба нету?

– Кваса дай.

– А кваса нету?

– Водой да приветь».

А еще скажут: «Гости на гости, хозяевам радость. Хозяин весел, так и гости радостны». Большим грехом считалось курение табака. Всегда аккуратные в выражениях, а тут скажут: «Кто курит табак, тот хуже собак. Табожеры». Те, кто курит табак, не могли вставать к святой иконе.

Хмельного тоже было нельзя, хмель-то в человеке 30 годков держится. А ну как умрешь пьяный. Староверы считали – умереть пьяным это суицид. Не видать уж потом светлого места и на кладбище, хоронили таких людей отдельно.

Чадородие является благословением Божиим и счастьем для родителей. «Много Бог детей дает да лишних-то не посылает». Сколько бы их ни было в семье, как бы тяжело ни жилось, а родные, близкие, соседи, да и вся деревня радовались появлению младенца. Младенца качали в зыбке, подвешенной к матице (центральная балка под потолком), рядом с дитем были бабушки и дедушки, и оно «падало им на руки».

¹⁹ Костер – большая груда, куча, ворох вещей.

▲ Ткацкий станок. Экспозиция школьного этнографического музея с. Верх-Уймон

Еще и пуповинка не отпала, а бабушка, покачивая младенца, напевала колыбельную, а то и духовный стих.

*Дева младенца умывала,
Пеленами повивала,
Сладко над ним воспевала:
Ты мой рай, рай, рай,
Люлю-люлю-люлю бай,
О Любезный Сыне мой,
Ангелы с небес слетайте,
Младенца колыжайте,
Ангелы с небес глядите,
Сон младенцу принесите.*

Любовь окружала маленького человека: «Любит шанюшка мазанье, а головушка глаженье».

*Мальчик очень славненький,
Мальчик очень маленький,
Дорогая деточка,
Золотая веточка,
Трепетные рученьки
К голове закинута,
В две широких стороны,
Словно крылья, вскинута.
Дорогая деточка,
Золотая веточка.*

«У милого дитятки много имен». Родителей вспоминают с любовью: «Нас мама-то мягким имечком называла, уж не взревет, бывало, как попало: “Ванька, Зинка”, а тихонечко скажет: “Ванюша, Зина, Коленька”».

Детей воспитывала не только семья, но и вся деревня: «Гни дерево – пока гнется, учи дитятку – пока слушается», «Дитятко что тесто, как замесишь, так и вырастет», «Кто детям потакает, тот в старости слезы проливает», «Воспитывай дитя не кнутом, а стыдом». Провожая дитя из дома, родители не просто выпустят его, а поручат Богу:

*Мать в дорогу сына провожала
Месяцем-то его опоясывала,
А звездой-то его застегнула,
А судьбой-то его обвернула.
Ты возьми, Боже, дитя мое
На высоком пороге,
Да на большой дороге.*

Староверы постоянно заботились, чтобы их дети были грамотны. В деревне рассказывают о парне-старовере, который целый год работал на богатого только за то, чтобы его научили читать и писать. Учили детей дома, в молебном доме, а в 80-е годы XX века арендовали дом, наняли дьячка, и тот учил крестьянских ребятишек не только по советским букварям, но и учил с детьми молитвы и духовные стихи. Дьячком был Деонис Онисимович Злобин, выпускник московской духовной семинарии, а помогала ему во всем его жена Татьяна Андреевна. Не молоденькие уже были, за 60 обоим перевалило. Но до сих пор в деревне вспоминают, как трепетно относился Деонис Онисимович к своей супруге. Человек-то умирает, а добрые дела живут.

Истосковались люди по добрым словам, по ласке. Ласковое-то слово самому ничего не стоит,

а другому много дает. Внучка Татьяны Андреевны сохранила письмо. Столь нежное, столь трогательное это письмо, что слова из него редко разве уж у кого не затронут душу:

«От вашего супруга Деониса Онисимовича Злобина. Дорогой моей супруге Татьяне Андреевне.

Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбях обративших зело. Мир Божий Вам на всякий час.

Здравствуй, моя утренняя заря, полевой цветок, красное солнце. Дорогая жемчужинка, благодатная пчелочка, моя душа. По дальней разлуке Вы только у меня одна».

Валентин Распутин, большой русский писатель, посетил Верх-Уймон в 1989 году и оставил такую запись: «“Чудна Русь”, – говорили отшельники, когда доходили до них вести о тех чудесах, которые происходят в центрах. “Чудна Русь”, – восклицаем мы сейчас, когда добираемся до таких окраин, как Верхний Уймон, где многое, в том числе богатая и крепкая душа человеческая, остались в целости и сохранности. Удивительное село, удивительный край, удивительно интересные люди»²⁰.

Этнокультура русского народа – неиссякаемый источник мудрости, залог возрождения нации. Бесценные крупницы этой мудрости, сохранившиеся в жизненном укладе уймонских староверов и поздних переселенцев, – это наше достоинство и пример для подражания тем поколениям, что будут жить после нас.

Татьяна Ленская

²⁰ Книга почетных посетителей Музея имени Н.К. Рериха. Село Верх-Уймон. Июнь 1989 г.